

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1958.4.06>

ARHIIVINDUS JA ARHIIVIMATERJALE АРХИВНОЕ ДЕЛО И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ESTONICA В АКТАХ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ

В. ДОРОШЕНКО,

кандидат исторических наук

Настоящее сообщение ставит своей задачей дать краткую источниковедческую характеристику неопубликованных документов из фонда Литовской Метрики, хранящейся ныне в Центральном государственном архиве древних актов СССР. Содержащийся здесь актовый материал, относящийся к польской Лифляндии («Инфлянтам») и в значительной мере охватывающий южноэстонские земли, можно разбить на две группы. Первая — это семь «книг записей»¹, включающие полные (несокращенные) тексты грамот польского короля Сигизмунда III Вазы (1587—1632). Общее количество этих грамот достигает 1200 единиц. Примерно 75% из них приходится на территорию Латвии. К южной Эстонии относится свыше 270 грамот, подавляющее большинство которых фиксирует пожалования или куплю-продажу имений. Ко второй группе документов нами отнесены краткие выписки (эксцерпты) из грамот, встречающихся в трех «книгах переписей»². Эти последние отражают деятельность польских ревизоров в «Инфлянтах» в 1583, 1586 и 1590 гг. Они, как и записки показаний местных дворян, заносились в «книги переписей» по распоряжению ревизоров, проверявших права на те или иные владения.

Таким образом, документы Литовской Метрики отражают, в основном, распределение феодальной земельной собственности главным образом в «польско-литовское время», но отчасти и в предшествующий период орденского господства. Значение этого фонда и особенно актов первой группы (содержащей наиболее полные тексты) вполне очевидно. Тем не менее, хотя состав Литовской Метрики известен из старой литературы,³ этот фонд изучен чрезвычайно мало.

Чтобы оценить значение разбираемого источника для изучения социально-экономических отношений в южной Эстонии на рубеже XVI—XVII вв., необходимо прежде всего учесть состояние документов в местных изданиях и архивах.⁴ Опубликованных документов по этому периоду имеется очень немного.

Наиболее ценный материал о состоянии феодального хозяйства и положении крестьян в этот период дает описание замковых хозяйств, произведенное польскими ре-

¹ ЦГАДА, ф. 389 (Литовская Метрика), Книги записей №№ 75, 79, 80, 81, 82, 87 и 90, годы 1588—1617.

² Там же, Книги переписей №№ 575 (1583 г.), 576 (1584—1586 гг.) и 577 (1590 г.).

³ С. Л. Пташицкий, Описание книг и актов Литовской Метрики. Спб., 1887.

⁴ Ср. N. Treumuth und O. Liiv, Polonica im Estnischen Staatlichen Zentralarchiv. Tartu, 1931.

визорами в 1599 г., где, помимо видземских и латгальских замков, учтены также южноэстонские замки Тарвасту, Лайузе, Вильянди, Хельме и Пыльтсамаа.⁵ Что касается документов по истории землевладения, т. е. грамот о пожаловании, а также купле-продаже ленных имений в польских «Инфлянтах», то они систематически не издавались; лишь некоторые из них попали в публикации Фр. Винеманна и П. фон Унгерн-Штернберга.⁶

Основная масса документов, характеризующих распределение феодальной земельной собственности в эпоху польско-литовского господства, продолжает оставаться в архивах. Здесь в первую очередь можно назвать ревизию владельческих привилегий 1599 г., три варианта-списка которой хранятся в рижских рукописных собраниях.⁷ Указанная ревизия содержит перечень собственников и представленных ими грамот по девяти староствам (capitaneatus): Тарту, Лайузе, Вастселийна, Кирумпя, Пярну, Вильянди, Тарвасту, Хельме и Каркси. Однако и этот источник содержит не полные тексты владельческих привилегий, а лишь краткие извлечения (эксерпты). Полные тексты грамот в местных архивах сохранились в ограниченном количестве. Грамоты второй половины XVI — начала XVII вв., касающиеся южной Эстонии, имеются главным образом в городе Тарту: в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР⁸ и в отделении рукописей Фундаментальной библиотеки Тартуского государственного университета.⁹ Некоторое количество эстонских грамот польского времени можно найти также в архивах города Риги: в Центральном государственном архиве Латвийской ССР¹⁰ и в рукописном отделении Фундаментальной библиотеки Академии наук Латвийской ССР.¹¹

Однако даже в своей совокупности документы из местных архивов не в состоянии дать сколько-нибудь полного представления о землевладении прибалтийско-немецких дворян и тех переменах в распределении феодальной земельной собственности, которые происходили в эстонской части Лифляндии по инициативе или же под контролем польско-литовской администрации. Тем больший интерес представляет собрание документов из фонда Литовской Метрики, которое дает сравнительно массовый и поэтому лучше поддающийся обработке материал о феодальном землевладении XV—XVI вв. и особенно об аграрной политике правительства Сигизмунда III.

*

Поскольку документы первой группы, тексты которых дошли до нас целиком, представляют наибольшую ценность, мы начинаем наш анализ именно с них. Прежде всего остановимся на том, какие территории южной Эстонии освещаются в этих грамотах наиболее полно.¹² Из 272 грамот, принадлежность которых к тому или иному из округов легко устанавливается из текста, приходится:

⁵ J. Jakubowski i J. Kordzikowski, Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Źródła dziejowe, T. XIII, Inflanty, Cz. I, Warszawa, 1915.

⁶ Fr. Bienemann, Zur Geschichte der livländischen Ritter- und Landschaft 1600—1602. Briefe und Aktenstücke (Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- u. Kurland), Bd. XVII, Riga 1900; P. von Ungern-Sternberg, Urkunden zur Geschichte des schwedisch-polnischen Krieges aus den Jahren 1600—1627. (Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde...), Riga, 1914.

⁷ Центральный государственный архив Латвийской ССР, ф. 214, оп. 2, д. 129; Отделение рукописей Фундаментальной библиотеки АН Латв. ССР, рукопись № 49; фонд редких книг и рукописей Государственной республиканской библиотеки Латв. ССР, № 207.032/34.937.

⁸ Ф. 854 (Эстляндского дворянства), оп. 1—3; ф. 995 (Тартуский магистрат), оп. 1—3 („Aus der Polnischen Periode“); ф. 2057 (фамильный фонд Врангелей) и др.

⁹ Рукописи №№ 311, т. 2 («Urkundliche Abschriften — Poln. Periode») и т. 4 («Die Städte»), № 138, тт. I—III (Livonica 1215—1728) и некоторые другие.

¹⁰ Ф. 214 (Лифляндского рыцарства) и ф. 7363 (Рижского общества по изучению древностей).

¹¹ В особенности рукописи №№ 586—609 (Livonica 1—29).

¹² Здесь и в дальнейшем мы исходим из того административного деления южной (или «лифляндской») части Эстонии, которое существовало в эпоху, современную разбираемым нами источникам. Согласно «Ливонским конституциям» короля Стефана Батория (1582 г.), вся «Задвинская Ливония» подразделялась на три «президиата» —

на староство Тарту	— 75 грамот	на староство Лайузе	— 17 грамот
„ „ Вильянди	— 53 грамоты	„ „ Кирумпя	— 17 „
„ „ Хельме	— 37 грамот	„ „ Тарвасту	— 8 „
„ „ Пярну	— 36 „	„ „ Вастселийна	— 6 „
„ „ Пыльтсамаа	— 20 „	на прочие округа	— 2 грамоты. ¹³

Каково содержание рассматриваемых грамот?

В своем большинстве это пожалования (или подтверждения старых пожалований) ленных имений, совершаемые на определенных условиях: пожизненно или наследственно, с несением военных или иных повинностей и т. д. Примером может служить датированное 1592 годом утверждение за Германом Врангелем наследственных прав в отношении ряда имений, в том числе на имение Элиствере (Helstever) с несколькими деревнями, корчмой и мельницей, в бывшем приходе Экси (кн. 80, № 276). Имения эти закрепляются за владельцем как «privata et haereditaria», с правом наследования для потомков обоюго пола, а также свободой отчуждения. Совокупность указанных прав закреплялась за данным владельцем на основании представленной им грамоты Тартуского епископа, выданной его деду Иогану Врангелю, который в 1518 г. купил эти имения у Генриха Таубе.¹⁴ В других случаях — и это было гораздо чаще — имения жаловались пожизненно. Так, в том же 1592 г. Сигизмунд III утвердил за шляхтичем Яном Шыговским и его супругой пожизненно 4 гака вблизи Тарту (кн. 80, № 203).

К этой группе тесно примыкают те грамоты, которые фиксировали акты купли-продажи или заклада имений. Так, грамотой от 1 марта 1595 г. Бернарду Гертену разрешается уступить (очевидно — продать) Станиславу Нонгарту свое пожизненное право на 3 гака земли вместе с живущими на ней крестьянами в Тартуском старостве; получатель этих земель будет владеть ими также пожизненно при условии несения военных повинностей (кн. 80, № 413).

Ряд грамот представляет собой судебные тяжбы между землевладельцами. Например, в 1593 г. Сигизмунд III подписал приговор («декрет») по иску вдовы Иогана Гролля против Пыльтсамааского старосты Л. Рудомина из-за имения Exfer с двумя деревнями, по которому упомянутое имение было присуждено истице (кн. 80, № 387).

Объектами ленных пожалований или актов купли-продажи могли служить мызы, деревни, корчмы, отдельные гаки и т. п. В этой связи следует подчеркнуть, что в актах Литовской Метрики преобладают мелкие имения, состоявшие всего лишь из нескольких гаков, которые выдавались отчасти немцам, отчасти же полякам или литовцам при условии несения ими верной военной службы за интересы Речи Посполитой. Едва ли, однако, можно истолковать этот факт как указание на господство в южной Эстонии феодальной собственности «мелкошляхетского» типа. Дело в том, что в актах польских властей фиксировались далеко не все существовавшие в то время имения.

Цесиский, Тартуский и Пярнуский; те, в свою очередь, делились на отдельные округа — «староства». Число староств не было постоянным; кроме того, в наших источниках они выступают иногда под более неопределенным термином «дистрикт» или «тракт». Как уже отмечалось, ревизия 1599 г. упоминает 9 эстонских староств. Такого же административного деления придерживается ревизия 1590 г., если не считать отсутствия в ней староства Каркси. Этот последний округ встречается зато в более ранней ревизии 1583 г., которая, кроме того, выделяет еще округа Сангасте, Ранну и Отепя, не называя их, впрочем, староствами. См. также Staats und Verwaltungsgrenzen in Ostmitteleuropa I. Die Baltische Lande, hrsg. von H. Laakmann, München, 1954.

¹³ Имеются в виду округа Ранну (Ранден) и Пухья (Кавелехт), по-видимому, не являвшиеся отдельными староствами. В приведенный перечень не включено около двух десятков грамот, относящихся к северной («шведской») части Эстонии (Харьюмаа и Вирумаа) и попавших в Литовскую Метрику случайно. Понятно, что здесь не учтены также и те грамоты, принадлежность которых к тому или иному округу остается не вполне ясной.

¹⁴ Названная грамота напечатана в Livländische Güterurkunden. Bd. II (1500—1545), hrsg. von H. v. Bruiningk, Riga, 1923, Nr. 292.

Туда попадали в основном те из них, которые подвергались мобилизации, переходу из рук в руки по случаю их отчуждения или в результате смерти прежнего владельца. Последний вариант, т. е. передача имени другому лицу в связи со смертью владельца, в наших актах выступает особенно часто. Обыкновенно имеются в виду так называемые манлены, т. е. такие имения, которые передавались только прямым мужским потомкам и в случае отсутствия таковых возвращались сеньору (епископу или королю). При этом следует учесть, что крупная, наиболее влиятельная феодальная знать средневековой Ливонии уже к концу орденского господства сумела добиться весьма существенного расширения своих наследственных прав. Она владела именьями либо по праву «*Samende hand*» (взаимное наследование имений всеми представителями данной дворянской фамилии), либо по «милости» (наследование по женской и боковой линиям родства).

Иными словами, имения крупной знати оставались выморочными (безнаследными), и потому могли находить отражение в грамотах главным образом в связи с куплей-продажей имений или же в таких чрезвычайных случаях, как измена владельца, т. е. гораздо реже, чем мелкие владения рядовых вассалов.¹⁵

Сказанное относится к частным имениям. Помимо них, в грамотах нашли отражение — и, пожалуй, более полное — имения государственные, которые передавались в управление старостам. Староство выдавалось обычно пожизненно, а доходы с него делились на три равные части: $\frac{1}{3}$ — казне (поочередно Короны и Великого Княжества Литовского), $\frac{1}{3}$ — на оборону Лифляндии и $\frac{1}{3}$ оставлялась в распоряжении самого старосты.¹⁶ Одним из интереснейших документов этой категории является акт утверждения доходов и расходов «Тартуской экономии» с 1 января по 31 декабря 1587 г. В качестве основного источника старостинских доходов (10 677 польских золотых) грамота показывает поборы с крестьян в деньгах и натуре (зерном, скотом, птицей и т. д.). В качестве основных статей расхода (общая сумма 13 797 золотых) указываются: выплата жалованья войску, содержание челяди в имениях «экономии», оплата труда различных ремесленников, ремонт оборонительных сооружений и пр.¹⁷

Таким образом, в основной своей массе акты Литовской Метрики посвящены вопросам землевладения. Освещая распределение земельной собственности, они позволяют в то же время показать структуру имений, организацию феодального производства, отношения между помещиком и крестьянами.

Судя по актовым данным, типичным для второй половины XVI в. представляется такое имение, центром которого является мыза (*curia, moiza, hof, dwor*) с господской пашней, обрабатываемой трудом крепостных из окружающих деревень. В грамотах Тартуского округа упоминается не менее 30 мыз; наличие мызных хозяйств можно предполагать, кроме того, во множестве таких грамот, где имение обозначается неопределенным термином «*bona*».¹⁸ У некоторых владельцев насчитываются по нескольку мыз;¹⁹ с другой стороны, некоторые мызы упоминаются в грамотах по нескольку раз.²⁰

В более или менее крупных имениях основным «придатком» мызы были деревни,

¹⁵ Ограничимся одним лишь примером. В тексте упоминавшейся выше ревизии 1599 г. упоминаются многочисленные владения Конрада Таубе в Тартуском старостве (мызы, волости, гаки), закрепленные за ним привилегиями Стефана и Сигизмунда III от 1582—1596 гг. (Отделение рукописей Фундаментальной библиотеки АН Латв. ССР, рукопись № 49, стр. 254—256), а также владения Рейнольда Таубе в старостве Лайузе (там же, стр. 259). В актах Литовской Метрики же не встречаются ни те, ни другие.

¹⁶ См., напр., кн. 79, № 12—15 (1588 г.): передача Вильяндского староства Мартыну Курчу после Мартына Казановского. Там же, № 39 (1588) — передача замка (староства) Хельме Петру Нонгарту.

¹⁷ Кн. 80, № 370.

¹⁸ Ср. кн. 80, № 170 и № 321, где один и тот же объект назван в одном случае „*bona Stakielberg*“, а в другом „*bona Kaweg moiza*“.

¹⁹ Так, в Тартуском старостве Феликс Замойский получил в 1595 г. сразу три „*moizae*“ — две (*Iwasth et Kalczy*) после «московита» Чичерина и одну (*Koza*) после шляхтича Шидловского (кн. 80, № 98).

²⁰ Напр., *Brakel Moiza* в кн. 87, № 78 (1600 г.) и № 103 (1600 г.); *Wesselhof* в кн. 80, № 844 (1605 г.) и 895 (1609 г.).

в мелких — отдельные гаки. Например, в 1591—1597 гг. в Тартуском старостве упоминается «curia Luda ... cum villis seu derewinkis», далее в тексте грамоты следует перечисление названий четырех деревень, бывших сперва во владении Ст. Степовского, потом Я. Мирского и наконец Б. Важинского.²¹ Аналогичным образом «moysa Lopperg» жаловалась в 1602 г. с тремя, а «bona Antsen» в 1590 г. даже с шестью деревнями — «villae».

Вполне понятно, что особую ценность имеют те грамоты, которые сообщают размеры мыз или поселений. В последнем из приведенных случаев 6 деревень насчитывали в общей сложности 21¼ гака.²² Встречались и гораздо более крупные поселения: в 1606 г., например, братья Нонгарты получили мызу с двумя деревнями, имевшими 38 «влок».²³

Наконец, заслуживает внимания и терминология документов. Выше уже отмечен случай проникновения на эстонские земли русского слова «деревня»; то же самое видим в грамоте для округа Лайузе 1601 г.²⁴ В третьем случае термином «деревня» обозначается мыза в округе Пыльтсамаа.²⁵ Поскольку польским обозначением сельского поселения является, как известно, «wies», можно полагать, что термин «деревня» был сюда занесен теми представителями польско-литовской администрации, которые до прибытия в Эстонию действовали на захваченных Речью Посполитой русских землях.

Как и в период орденового господства, несколько поселений объединялись в «вакку» («waska», ср. латышское «пагаст»). В рассматриваемый период «вакка» выступала, в основном, как административно-фискальная единица в системе феодального поместья. В какой степени она сохранила хотя бы некоторые черты сельской общины (присущие ей ранее, например, по линии использования неподеленных угодий, общих для жителей нескольких деревень), покажет исследование. Термины «waska» и «villa» могли заменять друг друга;²⁶ любопытно и то, что на южноэстонских землях, наряду с местным термином «waska», кое-где употреблялся в том же самом значении и термин «пагаст»,²⁷ широко распространенный на территории Латвии. Детальное изучение таких вариаций в терминологии, применяемой к населенным местам, равно как и идентификация поселений, упоминаемых в актах, с более поздними или современными, несомненно, поможет глубже проникнуть в хозяйственный и общественный строй эстонской деревни XVI—XVII вв.

О положении массы крестьянства грамоты дают, к сожалению, очень скудные данные. Это, в основном, только списки крестьян, «тянущих» к тому или иному имению²⁸ и случайные упоминания об их повинностях в отношении феодала и церкви.²⁹ Помимо обычных держателей гаков (иногда с указанием размера надела), встречаются и малоземельные люди, так называемые огородники («hortulani»). Эта интересная категория сельского населения по документам XVI в. изучена очень слабо, и потому соответствующие грамоты заслуживают внимания.³⁰

²¹ Кн. 79, № 207; кн. 80, № 359 и № 484.

²² Кн. 80, № 706 и кн. 75, № 123.

²³ Кн. 80, № 862: „dwor Wir ze wsiami Homer y Sora, do tego dworu nalezacemi, 38 wlok w sobie maięcuch“. — Вопрос о значении упоминаемой в приведенном тексте «влоки» требует специального изучения. Можно полагать, что «влокой» польские ревизоры обозначали не что иное, как местную единицу земельного надела, т. е. эстонский гак. На это указывает, в частности, практика польских администраторов в Латгалии, где под «волокой» или «службой» имели в виду не польские, а местные единицы — гаки.

²⁴ Кн. 87, № 119: „Moyzam cum villis seu derewnis“.

²⁵ Кн. 80, № 263: „dictae curiae seu derewniae“.

²⁶ Кн. 80, № 387 (1593 г.).

²⁷ Кн. 80, № 707 (1603 г.): в округе Пярну „Moyza Kiechne dicta cum pagastis Kodella, Leelles, Niatus, Wissover“.

²⁸ Напр., кн. 80, №№ 353, 413 и 825.

²⁹ Помимо вышеприведенного годового отчета Тартуской экономики с указанием отдельных статей крестьянских оброков (кн. 80, № 370) — частые упоминания о платежах приходской церкви по 1 лофу ржи и ячменя с каждого крестьянского хозяйства (там же, № 721 и многие другие).

³⁰ Судя по грамотам эпохи Сигизмунда III, сельские «огородники» встречаются как в крестьянском хозяйстве (кн. 80, № 334: утверждение за А. Анрепом в старостве

Наконец, особую группу составляют грамоты, относящиеся к территории города. Они довольно многочисленны. Например, в Пярнуском округе из 36 грамот касается города 21 грамота, в Вильяндиском из 53 — 14 грамот и в Тартуском из 75 приблизительно 20 грамот. Однако собственно городская жизнь, ремесло и торговля отражались в грамотах слабо, от случая к случаю. Так, среди Тартуских актов имеются материалы о поездках купцов из Тарту в Русское государство (кн. 80, № 142 и кн. 81, № 71) и, наоборот, московских, смоленских и оршанских торговцев в Тарту (кн. 75, № 143). Представляет также интерес приговор, вынесенный Сигизмундом III в 1593 г. по тяжбе торговца из Пайде Олехны Конраловича против сборщика пошлин в гор. Тарту Иог. Гревлиха «по поводу насильственного отнятия некоторых товаров», в том числе мешка с хмелем, полотна и т. д., — всего на сумму 5000 злотых (кн. 80, № 375).

Состояние городского хозяйства характеризуется, например, предоставлением городу Тарту права рубки леса и выжигания извести в угодьях Тартуской экономии, а также постройки мостов и мельниц и навигации по реке Эмайыги (кн. 81, № 72) и некоторыми другими аналогичными грамотами. В общем же группа «городских» актов, подобно всем остальным, посвящена главным образом земельным пожалованиям или мобилизации недвижимости (домов, подворьев, участков) на территории городской марки, т. е. представляет интерес для историка в первую очередь как источник по истории феодального землевладения.

*

Документы второй группы, встречающиеся в «книгах переписей», представляют собой, как уже отмечалось, краткие выдержки из владельческих привилегий, представленных шляхтой данного округа ревизорам. В текстах ревизий 1583 и 1590 гг. они встречаются в основном на польском и отчасти на латинском языках. В этих выдержках объект пожалования или отчуждения (купи, продажи, заклада) обозначался суммарно, подчас в очень скупых выражениях, совершенно недостаточных для уяснения размеров или состава того или иного владения. В этом отношении актовый материал второй группы беднее, чем разобранный выше. Ряд ценных деталей, касающихся характеристики феодальных имений и положения сельского населения, составители «книг переписей» опускали, как несущественные с их точки зрения.³¹ Вместе с тем, эти выдержки гораздо более многочисленны, нежели полные грамоты, главное же — в хронологическом отношении они выходят далеко за пределы «польского времени», охватывая почти весь XV и первую половину XVI в.

Нижеследующая таблица дает общее представление о территориальном размещении и хронологии этих актовых выписок.

Как видно из таблицы, количество выписок из актов во всех случаях больше, чем число владельцев на территории данного старства. Это явление становится вполне понятным, если учесть, что каждый владелец, как правило, представлял ревизорам несколько документов. Так, в Тартуском старстве во время ревизии 1583 г. помещик Г. Соие представил 15 документов (кн. 575, л. 169—169 об.), а Ю. Штакельберг и Г. Тизенхаузен — по 7 документов (там же, л. 162 об. и 168—168 об.).

Хельме четырех крестьянских семей («cum 2 hortulanis»), так и в хозяйстве господском (кн. 80, № 884: в числе «придатков» небольшой мызы под гор. Тарту указаны не только «колоны», но и «огородники»). — Само собой разумеется, что собственники городских «огородов» («horti»), многократно упоминаемые в наших источниках на территории Вильянди, Тарту и Пярну (кн. 75, № 124; кн. 80, №№ 213, 258, 333 и 380; кн. 81, №№ 16 и 85), составляют другую социальную категорию, ибо являются бюргерами — земельными собственниками. Примером может служить вильяндиский бюргер Михаил Иордан, который по грамоте от 12 марта 1590 года получает в городе дом с «придатками», в том числе 2 «огородника» («hortulani») и 4 «огорода» («horti»).

³¹ В актах, которые мы отнесли ко второй группе, вассалы получают, продают или закладывают объекты, уже знакомые нам по первой группе источников: старства, мызы, «вакки» или деревни с их крепостным населением, отдельные участки земли, крестьянские дворы, мельницы, корчмы, «огороды», рыболовецкие или охотничьи угодья и т. п. Передача этих объектов в лены от короля, Тартуского епископа или магистров Ливонского ордена происходила опять-таки на весьма различных условиях, начиная от пожизненного держания и кончая вечнонаследственным владением. Кроме пожалований и отчуждений имений, в актовых записях второй группы встречаются также раздели между наследниками, решения судебных инстанций и т. д.

Староство или округ	По ревизии 1583 г.			По ревизии 1590 г.		
	Владель- цев	Актов	За какие годы	Владель- цев	Актов	За какие годы
Тарту	41	116	1411—1579	—	—	—
Вильянди	19	36	1421—1582	—	—	—
Хельме	3	8	1555—1580	5	5	1533—1591
Пярну	19	38	1544—1583	6	10	1563—1590
Пыльтсамаа	6	12	1514—1582	4	4	?—1589
Лайузе	13	23	1441—1583	1	1	1589
Кирумпя	4	10	1526—1583	6	8	1583—1590
Тарвасту	9	17	1518—1583	—	—	—
Вастселийна	2	4	1540—1541	3	3	1583—1588
Каркси	8	14	1532—1582	—	—	—
Отепя	10	34	1510—1575	—	—	—
Сангасте	7	10	1452—1555	—	—	—
Ранну	2	7	1545—1559	—	—	—

Новым моментом, характеризующим эту группу источников, является наличие среди них, наряду с актами «польского времени», также и древних (епископских и орденских) привилегий, примерно с начала XV столетия. В текстах ревизии 1583 г. эти древнейшие документы количественно даже преобладают, особенно по таким крупным староствам, как Тартуское и Вильяндское. Следует подчеркнуть, что в своем подавляющем большинстве они отсутствуют в существующих публикациях. Так, в текстах ревизии староста Каркси из 14 привилегий 6 относятся к орденскому периоду (до 1561 г.), причем только одна из них была опубликована в свое время Г. Бруйнингом³².

Значительно меньшее количество актов документов содержит ревизия 1590 г. Те выписки, которые там имеются, почти сплошь взяты из документов «польского времени», акты орденского периода там попадают как исключение. Зато упомянутая ревизия содержит материалы другого характера, являющиеся как бы дополнением к актам. Почти по каждому из обследованных ревизорами замку приводится перечень тех земельных владений, которые в данное время находятся в руках местных дворян, с указанием имен этих последних. Так, в ревизии староста Вильянди в 1590 г. под рубрикой «*Co od zamku Felinskiego odeszlo*» приводится список 22-х владельцев (в том числе 15 поляков), которые прибрали к своим рукам пять мыз и пять деревень, содержащих свыше 60 гаков и, кроме того, еще 53 гака, ранее числившиеся за замком (кн. 577, л. 190—190 об.). Аналогичные списки дворян, держащих замковые («старостинские») имения, составлены также по староствам Хельме (9 владельцев), Пярну (11 владельцев), Пыльтсамаа (12 владельцев), Лайузе (6 владельцев), Кирумпя (6 владельцев), Тарвасту (3 владельца) и Вастселийна (13 владельцев). Отражая сдвиги, происшедшие в распределении феодальной земельной собственности к концу XVI в., эти документы дают также ценные сведения о структуре имений и в частности об усилении мызно-барщинного хозяйства.³³

Остановимся, наконец, коротко на актах, встречающихся в «книге переписей» № 576. Это — почти сплошь судебные решения польского королевского комиссара Пенкославского, который в 1586 г. разъезжал по лифляндским замкам и разбирал

³² ЦГАДА, ф. 389 (Литовская Метрика), кн. 575, л. 210 об.: грамота орденского магистра В. Плеттенберга о пожаловании в 1532 г. Гартвиху Плате двух гаков с живущими там крестьянами „in tractu Alstensi“. — Опубликовано в *Livländische Güterurkunden*, Bd. II, Nr. 546.

³³ Например, список дворян, прибравших к своим рукам ряд владений Пыльтсамааского замка (кн. 577, л. 213 об.—214 об.), насчитывает 12 владельцев. Упоминание в этом списке 10-ти деревень (обозначаемых русской и польской терминологией — „*derewnia*“, „*wies*“) дает представление о характере поселений в этой части Эстонии. Наличие 11-ти фольварков, или мыз („*moiza*“) свидетельствует о развитии отработочной ренты; относительно двух из упоминаемых мыз сказано, что они существовали еще «при магистрах», т. е. до 1561 г.

тяжбы между старостами и местным дворянством. Большинство решений, касающихся южноэстонских земель, относятся к старостству Хельме.³⁴ В этом же старостстве Пенкославский 2 июля 1586 г. назначил проверку владельческих прав дворянства и бюргерства. Во время этой проверки 19 дворян представили 42 привилегии, датированные в основном до 1561 г. (в книге опять-таки приводятся лишь краткие выдержки из древних текстов). Из учтенных за этими собственниками 193 $\frac{1}{8}$ гака немногим менее половины — 74 $\frac{3}{4}$ гака — подлежали редукции. 25 бюргеров («cives») представили около 20-ти привилегий на различные участки земли от $\frac{1}{16}$ до 1 $\frac{1}{4}$ гака³⁵. Кроме того, 15 марта 1586 г. Пенкославский проверил привилегии И. Фрейтага; этот помещик представил 17 грамот за период 1555—1585 гг., краткие извлечения из которых также помещены в упомянутой книге³⁶.

*

Значение актов Литовской Метрики как источника станет еще более ясным, если мы сопоставим их с ревизией 1599 г. — наиболее полным собранием владельческих привилегий своего времени, сохранившимся в местных архивах. Сравнение обоих источников убеждает нас в том, что они, как правило, не повторяют, а взаимно дополняют друг друга. В самом деле, среди тех актов, полные тексты которых содержатся в «книгах записей», лишь единичные встречаются также и в ревизии 1599 г. Например, из 75 актов старостства Тарту в этой ревизии мы встречаем лишь два (кн. 80, №№ 203 и 282), из 53 актов старостства Вильянди — тоже два (кн. 80, № 323 и кн. 82, № 22), а из 17 актов старостства Лайузе в ревизии 1599 г. не содержится ни одного.

Такой же результат дает сопоставление с ревизией 1599 г. тех актов выписок, которые мы встречаем в «книгах переписей». Возьмем для примера старостство Пярну. Имеющиеся в Литовской Метрике ревизии 1583 и 1590 гг. содержат в общей сложности 48 извлечений из древних актов, относящихся к этому старостству. В ревизии 1599 г. из этих документов мы встречаем только две грамоты — Сигизмунда II Августа от 8 октября 1565 г. о пожаловании двух деревень Х. Фегесаку и короля Стефана — о пожаловании двух мыз Э. Дукеру³⁷.

Из этого сопоставления видно, что: 1) Литовская Метрика сохранила значительно больше владельческих привилегий по каждому округу, чем ревизия 1599 г.; 2) акты тождественного содержания, т. е. встречающиеся как в одном, так и в другом собрании, сравнительно редки. Конечно, Литовская Метрика сохранила лишь часть тех актов, которые имеются в тексте ревизии 1599 г.³⁸ Зато она включает множество документов, которые в ревизии 1599 г. попросту отсутствуют. Если же сравнивать оба источника по количеству землевладельцев, которые упоминаются в одном и другом, то в Литовской Метрике их во много раз больше, чем в ревизии 1599 г. При этом имеет, конечно, значение и то обстоятельство, что тексты Литовской Метрики гораздо полнее текстов ревизии, в которую попадали обычно лишь краткие выписки из владельческих привилегий.

*Институт истории
Академии наук Латвийской ССР*

Поступила в редакцию
28 VII 1957

³⁴ ЦГАДА, ф. 389 (Литовская Метрика), кн. 576, лл. 78 об. — 158 об. — Всего к эстонским землям относится здесь 14 решений, в том числе 8 — к старостству Хельме. Особенного внимания заслуживает «декрет» Пенкославского от 29 мая 1586 г. о присуждении Павлу Верник в старостстве Хельме 10 гаков, на которых находятся 24 крестьянских хозяйства. Грамота дает интересные сведения о размере наделов: здесь 1 надел в $\frac{3}{4}$ гака, 14 наделов по $\frac{1}{2}$ гака и 9 наделов по $\frac{1}{4}$ гака (там же, лл. 83 об. — 84 об.).

³⁵ Там же, л. 6—19.

³⁶ Там же, л. 55 об. — 58 об.

³⁷ Рукописный отдел Фундаментальной библиотеки АН Латв. ССР, рукопись № 49, стр. 263 и 272.

³⁸ Так, в 1599 г. Александр Прондзинский в округе Вильянди представил 8 привилегий Сигизмунда III (стр. 273—275), из коих в Литовской Метрике встречаем только одну (кн. 82, № 22); из 3-х привилегий Марциана Липницкого в том же округе тоже одну (кн. 80, № 323), а из 7-ми привилегий Георгия Шенкинга в округе Тарту (стр. 249—252) в Литовской Метрике нет ни одной тождественной привилегии.

Käesolevas ülevaates iseloomustatakse lühidalt siiani trükis avaldamata ürikuid «Leedu meetrikast», mida säilitatakse NSV Liidu Vanade Aktide Riiklikus Keskarhiivis (fond 389). Üks osa neist (nim. 75, 79, 80, 81, 82, 87 ja 90 — aastaist 1588—1617) on välja antud Poola kuninga Sigismund III Vaasa (1587—1632) poolt. Lõuna-Eesti kohta käib neist üle 270 üriku, milledest rõhuv enamik on mõisate läänistamiskirjad või mõisate ostu-müüki fikseerivad dokumendid. Teine osa (nim. 575, 576 ja 577) kujutab enesest lühikesi väljavõtteid Poola võimude poolt 1583., 1586. ja 1590. a. Liivimaal teostatud maarevisjoni aruannetest.

Seega kajastavad «Leedu meetrikasse» kuuluvad ürikud peaaasjalikult feodaalset maavaldust, suuremalt osalt «Poola-Leedu ajal», osalt aga ka varemajal ajal, ning omavad ajalooallikaina olulist tähtsust.

*

Der Artikel gibt eine kurze Übersicht noch nicht veröffentlichter Dokumente aus der «Litauischen Metrik», die im Fonds 389 des Staatlichen Zentralarchivs für alte Urkunden der UdSSR aufbewahrt wird. Ein Teil dieser Dokumente (die Bände 75, 79, 80, 81, 82, 87 und 90 aus den Jahren 1588—1617) ist vom König von Polen Sigismund III Wasa (1587—1632) erlassen worden. Über 270 der Dokumente betreffen Südostland; die meisten sind Lehnbriefe über Gutshöfe sowie Urkunden, worin der Kauf und Verkauf von Gutshöfen fixiert wird. Ein anderer Teil (die Bände 575, 576 und 577) enthält kurze Auszüge aus den Berichten der von den polnischen Behörden in den Jahren 1583, 1586 und 1590 in Livland durchgeführten Landrevisionen.

Somit widerspiegeln die Dokumente der «Litauischen Metrik» vornehmlich Verhältnisse des feudalen Grundbesitzes, — zum grossen Teil während der «Polnisch-Litauischen Periode», doch auch für frühere Zeitabschnitte. Als geschichtliche Quellen sind diese Dokumente von grosser Bedeutung.